

DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117

А. Е. Сеньшин*

Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства)

Аннотация. Действующее российское законодательство характеризуется отсутствием системного подхода к регулированию правоотношений с участием экономически взаимозависимых субъектов имущественного оборота. Связано это в первую очередь с тем, что предпринимательские группы не признаются самостоятельными субъектами права ввиду господства традиционного гражданско-правового принципа автономности и самостоятельности каждого юридического лица. Вместе с тем такой подход не отвечает реалиям предпринимательских отношений. Особенно ярко это проявляется в правоотношениях несостоятельности, в которых господствует принцип «один должник — одна процедура». В связи с этим всё чаще высказываются предложения о признании предпринимательской группы в качестве самостоятельного субъекта дел о несостоятельности (банкротстве). При этом именно ответ на вопрос, является ли предпринимательская группа правосубъектным образованием, можно назвать отправной точкой для дальнейшего выстраивания всей системы законодательного регулирования правоотношений несостоятельности с их участием. Целью статьи является исследование такого свойства предпринимательской группы, как правосубъектность. В статье выделены и проанализированы основные доктринальные подходы к проблеме правосубъектности предпринимательских объединений. Сделан вывод об относительной правосубъектности предпринимательских групп, в соответствии с которой предпринимательские группы существуют в качестве единого субъекта права только при наличии определенных в законе признаков.

Ключевые слова: предпринимательская группа; предпринимательское объединение; холдинг; правосубъектность; правоотношения несостоятельности (банкротства); материальная консолидация; процедурная координация; единый субъект права; группа компаний; конструкция юридического лица; субъект предпринимательского права.

Для цитирования: Сеньшин А. Е. Правосубъектность предпринимательских групп в правоотношениях несостоятельности (банкротства) // Актуальные проблемы российского права. — 2022. — Т. 17. — № 8. — С. 111–117. — DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117.

© Сеньшин А. Е., 2022

* Сеньшин Александр Евгеньевич, аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, 125993
sanya.senshin@mail.ru

Legal Personality of Business Groups in Insolvency (Bankruptcy) Arrangements

Aleksandr E. Senshin, Postgraduate Student, Department of Entrepreneurial and Corporate Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993
sanya.senshin@mail.ru

Abstract. The current Russian legislation is characterized by the absence of a systematic approach to the regulation of legal arrangements involving economically interdependent property turnover subject. This is primarily due to the fact that business groups are not recognized as independent subjects of law due to the dominance of the traditional civil law principle of autonomy and independence of each legal entity. However, this approach does not meet the realities of business relations. This is especially evident in insolvency arrangements, in which "one debtor — one procedure" principle prevails. In this regard, more and more proposals arise as to recognize an enterprise group as an independent subject of insolvency (bankruptcy) cases. At the same time, it is precisely answers the question of whether an enterprise group is a legal entity that can be called the starting point for further building the entire system of legislative regulation of insolvency arrangements with their participation. The purpose of this paper is to study such a feature of an entrepreneurial group as legal personality. The paper highlights and analyzes the main doctrinal approaches to the problem of the legal personality of business associations. The author makes a conclusion about the relative legal personality of business groups, according to which business groups exist as a single subject of law only if there are features defined in the law.

Keywords: business group; business association; holding; legal personality; insolvency (bankruptcy) arrangement; material consolidation; procedural coordination; sole subject of law; company group; structure of a legal entity; subject of business law.

Cite as: Senshin AE. Pravosubektnost predprinimatelskikh grupp v pravootnosheniyakh nesostoyatel'nosti (bankrotstva) [Legal Personality of Business Groups in Insolvency (Bankruptcy) Arrangements]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;17(8):111-117. DOI: 10.17803/1994-1471.2022.141.8.111-117. (In Russ., abstract in Eng.).

Наиболее характерной чертой имущественного оборота является использование такой формы ведения бизнеса, как предпринимательские группы. Именно они позволяют предпринимателям в короткий срок сконцентрировать в своих руках крупный капитал, оптимизировать налогообложение и защитить свои активы от возможных взысканий. Для поддержания здоровой конкуренции государство стремится поставить под контроль создание и деятельность таких объединений. Ярким примером в этом направлении является недавняя инициатива по созданию закрытого реестра связанных между собой компаний, который будет вестись Федеральной службой государственной статистики¹.

Вместе с тем рост числа предпринимательских групп обнаруживает пробелы в правовом регулировании отношений с участием экономически взаимозависимых субъектов. Особенно остро это проявляется в законодательстве о банкротстве, в котором сталкиваются совершенно противоположные интересы его участников. В связи с этим всё чаще высказываются мнения о возможности признания предпринимательской группы в качестве нового субъекта правоотношений несостоятельности. В частности, 15.07.2019 Комиссией Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (далее — ЮНСИТРАЛ) был принят Типовой закон о несостоятельности предпринимательских групп, который был рекомендован для

¹ Росстат переписишет явные и скрытые бизнес-группы // Агентство правовой информации. URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (дата обращения: 01.11.2021).

внедрения в законодательные системы других государств². Стоит отметить, что российский законодатель в 2011 г. предпринимал аналогичную попытку по установлению режима несостоятельности предпринимательских групп, результатом чего стал подготовленный Минэкономразвития проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп»³. Тем не менее данный проект так и не был внесен на рассмотрение в Государственную Думу РФ и в настоящее время может быть объектом исключительно теоретических исследований.

Несмотря на, казалось бы, очевидную необходимость признания предпринимательской группы в качестве субъекта правоотношений несостоятельности, такой шаг противоречит фундаментальному принципу законодательства о банкротстве, который звучит как «один должник — одно имущество — одно производство по делу о несостоятельности — один суд — один арбитражный управляющий»⁴.

Данный принцип, в свою очередь, основывается на традиционном понимании отдельного юридического лица в качестве самостоятельного и независимого субъекта права. Именно это является отправной точкой для выстраивания всей системы правового регулирования несостоятельности предпринимательской группы, в которой принято выделять две модели — процедурную координацию и материальную консолидацию.

Первая предусматривает исключительно процедурные особенности ведения дел о банкротстве с сохранением юридической обособленности каждого члена предпринимательской

группы, например назначение единого арбитражного управляющего, сотрудничество судов, проведение скоординированных слушаний. При данной модели несостоятельности предпринимательской группы не происходит каких-либо материально-правовых изменений и каждый участник такого объединения рассматривается в качестве самостоятельной единицы. При материальной консолидации, напротив, происходит объединение всех активов и пассивов участников группы в единую конкурсную массу, формируется единый реестр кредиторов, т.е. на основании разрозненных юридических лиц фактически формируется новый субъект права. Данная модель традиционно рассматривается как крайний способ банкротства предпринимательской группы и применяется, как правило, при наличии различного рода злоупотреблений со стороны должника.

Таким образом, для дальнейшей разработки особенностей несостоятельности предпринимательских групп необходимо ответить на главный вопрос: является ли предпринимательская группа самостоятельным правосубъектным образованием, или она существует исключительно в правоотношениях несостоятельности и при определенных законом признаках?

Для ответа на данный вопрос в первую очередь необходимо обратиться к теории гражданского права, поскольку правоотношения несостоятельности преимущественно основываются на положениях Гражданского кодекса РФ (п. 1 ст. 1 Закона о банкротстве). Следует отметить, что в области частного права законодатель не выработал системного подхода к регулированию отношений с участием группы субъектов.

В настоящее время в отдельных отраслях права существуют разрозненные нормы,

² Типовой закон ЮНСИТРАЛ о несостоятельности предпринимательских групп и Руководство по его принятию // URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/19_11348_mloegi_ru.pdf (дата обращения: 01.11.2021).

³ Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления особенностей банкротства предпринимательских групп» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 04.04.2011) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права : пер. с англ. М. : Статут, 2021. С. 526.

которые практически никак не связаны между собой. В частности, это «аффилированные лица» в корпоративном праве⁵, «взаимозависимые лица» — в налоговом законодательстве⁶, «группа лиц» — в антимонопольном законодательстве⁷, «банковская группа и банковский холдинг» — в законодательстве о банковской деятельности⁸ и т.д. 27 сентября 2021 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, которым предлагается ввести такие новые понятия, как «финансовый холдинг» и «финансовая группа»⁹, что позволяет говорить о том, что в ближайшее время такое выборочное регулирование будет господствующим в российском законодательстве.

Вместе с тем отсутствие системного подхода никак не отобразилось на активной деятельности российских ученых, которые продолжают изучать проблему правовой природы предпринимательских объединений и вырабатывать концептуально новые подходы.

Ввиду того что гражданское право не предусматривает такого самостоятельного субъекта, как предпринимательское объединение, сложился подход, в соответствии с которым отрицается правосубъектность таких объединений. Главным аргументом в пользу данной теории является тот факт, что правосубъектными образованиями являются отдельные участники предпринимательских объединений — юридические лица, однако само по себе объединение таким свойством обладать не может. Наиболее ярким представителем данной позиции является известнейший российский цивилист

Е. А. Суханов. В частности, он указывал на то, что «как имущественно обособленный и вполне самостоятельный субъект гражданского права юридическое лицо не может “входить в состав” другого юридического лица»¹⁰. Рассматривая проблему правосубъектности предпринимательского объединения на примере холдинга, Г. В. Цепов делает аналогичный вывод о том, что «холдинг является группой юридических лиц, которая не обладает ни полной, ни частичной правосубъектностью»¹¹.

Анализируя данную позицию, нужно отметить, что в современном имущественном обороте полностью самостоятельными субъектами права можно назвать лишь субъектов малого и среднего предпринимательства. Крупный бизнес в основном ведется путем использования вертикально или горизонтально интегрированных предпринимательских объединений, которые позволяют снизить коммерческий риск за счет диверсификации своей деятельности в различных направлениях. При этом участников таких объединений, на наш взгляд, не стоит рассматривать как полностью самостоятельных субъектов права, поскольку они фактически не обладают собственной волей и действуют в чужом интересе (п. 2 ст. 1 ГК РФ). Их воля формируется извне контролирующей компанией, которая с помощью различного рода правовых механизмов (преобладающее участие в капитале, соответствующие положения в уставе зависимого юридического лица и т.д.) способна оказывать прямое влияние на предпринимательскую деятельность. Кроме

⁵ Закон РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» (ред. от 26.07.2006) // Бюллетень нормативных актов. 1992. № 2–3.

⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 20.04.2021) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

⁷ Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3434.

⁸ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.

⁹ Проект федерального закона № 1256483-7 «О финансовых группах и финансовых холдингах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 27.09.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ Суханов Е. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. 2004. № 7. С. 11.

¹¹ Цепов Г. В. Обеспечение интересов головной компании в холдинге // Закон. 2007. № 3. С. 78.

того, принимая позицию о гражданско-правовой самостоятельности отдельных участников предпринимательских объединений, следует учесть, что без надлежащей правовой защиты остаются кредиторы таких лиц. Баланс активов и пассивов внутри предпринимательской группы может выстраиваться с целью укрыть наиболее ценное имущество от взыскания кредиторов. В результате таких противоправных действий кредитор получает гораздо меньший процент удовлетворения своих требований по сравнению с тем, что он мог бы получить в случае, если учитывались бы активы всей группы в целом. Стоит отметить, что для предотвращения как раз именно этих последствий в корпоративное право были включены нормы об аффилированных лицах.

В доктрине существует обратный подход, в соответствии с которым предпринимательские группы признаются полностью правосубъектными образованиями. Так, И. И. Крипак в своем исследовании рассматривал предпринимательское объединение в качестве сложного коллективного субъекта права, состоящего из множества самостоятельных юридических лиц и способного выступать в имущественном обороте в качестве единого субъекта права¹².

Вместе с тем данный подход, на наш взгляд, также не может быть признан верным. Конструкция юридического лица изначально задумывалась как средство ограничения ответственности предпринимателя с целью повышения инвестиционной активности. Следует учитывать, что несколько юридических лиц могут контролироваться одним лицом, но при этом осуществлять свою деятельность в различных отраслях экономики. Однако признание предпринимательской группы в качестве единого субъекта права может негативно сказаться на всем имущественном обороте, поскольку предприниматель будет опасаться вести свою деятельность посредством организации разветвленной структуры предприятий. Связано это в первую очередь с тем, что при предъявлении кредитором

требований к одному подконтрольному предприятию под угрозой привлечения к ответственности оказываются и все остальные, в том числе те, которые осуществляют свою деятельность в совершенно другом секторе экономики. Кроме того, согласно действующему законодательству юридическое лицо становится полноправным субъектом права в случае его государственной регистрации. В настоящее время предпринимательские группы существуют де-факто и в российской правовой системе отсутствуют какие-либо правовые нормы, регулирующие регистрацию таких образований.

В связи с этим наиболее верной представляется третья концепция, в соответствии с которой за предпринимательской группой признается свойство частичной правосубъектности. Данная позиция сложилась на основании разрозненных правовых норм, регулирующих отношения с участием предпринимательских объединений. Ее сущность состоит в том, что сами по себе группы компаний не являются правосубъектными образованиями, однако в некоторых правоотношениях (антимонопольные, налоговые, банковские и иные) они могут выступать в качестве таковых. Так, В. В. Лаптев утверждал, что предпринимательские объединения «...действуют в качестве хозяйственных систем, которые в целом не пользуются правами юридического лица и не являются завершенными, полнокровными субъектами предпринимательского права. Вместе с тем в некоторых отношениях они обладают хозяйственной правосубъектностью»¹³.

Таким образом, концепция частичной правосубъектности группы компаний исходит из реально существующей картины рыночных отношений, в которых такие образования играют все большую роль. И для выполнения этой задачи ученые стремятся наделить предпринимательские объединения частичной правосубъектностью, или «квазисубъектностью», не отходя от классических взглядов на автономность и имущественную обособленность входящих в них юридических лиц. С этой точки зрения

¹² Крипак И. И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. Кострома, 2006. С. 24.

¹³ Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права : учеб. пособие. М. : Юрист, 2003. С. 161.

данная концепция, несомненно, является прогрессивной и правильной. Вместе с тем такая позиция неоднократно подвергалась критике. В частности, критикуя позицию сторонников «частичной правосубъектности» («квазисубъектности») предпринимательских объединений, Г. В. Цепов говорит о том, что «как невозможно быть “немножко беременной”, так нельзя быть и “частично правосубъектным”: субъект права либо есть, либо его нет»¹⁴.

Вместе с тем именно концепция частичной правосубъектности предпринимательской группы позволяет избежать рассмотренных крайностей и решить задачу правового регулирования несостоятельности связанных между собой должников. Целесообразно наделить такое образование, как предпринимательская группа, свойством правосубъектности исключительно в Законе о банкротстве, при этом факт ее существования в качестве единого субъекта права будет зависеть от наличия/отсутствия определенных в законе признаков. В качестве таковых можно назвать наличие внутренних отношений контроля и зависимости, срок существования таких отношений, проведение единой экономической политики в течение определенного периода, функциональное единство участников такой группы и т.д.

Следует отметить, что такая концепция имеет ряд преимуществ. Так, признание предпринимательской группы в качестве единого субъекта правоотношений несостоятельности не требует кардинально нового понимания сущности юридического лица. Вне дела о банкротстве участники предпринимательской группы рассматриваются как самостоятельные и автономные участники имущественного оборота, в то время как в делах о банкротстве их взаимозависимость может приниматься во внимание с целью увеличения конкурсной массы и повышения процента удовлетворения требований кредиторов. В этом

отношении категория «предпринимательской группы» будет во многом схожа с категорией антимонопольного права «группа лиц», которая также рассматривается в качестве единого субъекта права при наступлении определенных в Законе о защите конкуренции признаков.

Именно такая концепция была принята зарубежными законодателями при регулировании отношений с участием взаимосвязанных субъектов. Например, в ФРГ законодатель сознательно отказался от использования уже существующей категории «связанных предприятий» (*verbundene Unternehmen*), которые в должной мере урегулированы Законом об акционерных обществах от 06.09.1965 (*Aktiengesetz*)¹⁵, и в своем законодательстве о несостоятельности (*Insolvenzordnung*)¹⁶ предусмотрел отдельные положения о предпринимательской группе (*Unternehmensgruppe*). Т. П. Шишмарева в своем сравнительно-правовом исследовании отмечала, что «в немецкой доктрине, наряду с традиционным учением о правоспособности, существует и теория относительной правоспособности (*Theorie von der Relativität der Rechtsfähigkeit*), с помощью которой обосновывается участие неправосубъектных образований в качестве субъектов в обороте»¹⁷.

Таким образом, отвечая на поставленный в начале данного исследования вопрос, нужно сказать о том, что предпринимательская группа обладает частичной правосубъектностью и существует исключительно в правоотношениях несостоятельности при наличии определенных признаков. Иное понимание будет противоречить действующему гражданскому праву, которое не признает группу компаний в качестве единого субъекта права, и подрывет всю инвестиционную активность предпринимателей. Специальные положения о несостоятельности предпринимательских групп, закрепленные исключительно в Законе о банкротстве, позволяют

¹⁴ Цепов Г. В. Указ. соч. С. 77.

¹⁵ *Aktiengesetz* vom 06.09.1965 (BGBl. I S. 1089) (FNA 412-I). Zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3256) m.W.v. 01.01.2021.

¹⁶ *Insolvenzordnung* (InsO) vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866). Zuletzt geändert durch Gesetz vom 22.12.2020 (BGBl. I S. 3328) m.W.v. 31.12.2021.

¹⁷ Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2015. С. 70.

защитить интересы конкурсных кредиторов, не вмешиваясь при этом в иные правоотношения, которые обладают собственной спецификой и направлены на достижение совершенно других задач.

Предпринимательская группа является категорией исключительно законодательства о банкротстве, что и является отправной точкой для дальнейших исследований проблемы участия в делах о несостоятельности лиц, связанных между собой отношениями контроля и зави-

симости. Континентальная правовая система, к которой относится и Россия в том числе, традиционно относилась к концепции юридических лиц с уважением, рассматривая их наряду с людьми самостоятельными субъектами права. Это, в свою очередь, позволяет говорить о том, что банкротство предпринимательской группы должно основываться в первую очередь на процессуальной основе и избегать каких-либо значимых изменений сущностных особенностей юридических лиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Крипак И. И. Сложный коллективный субъект права: проблемы общей теории и практики : дис. ... канд. юрид. наук. — Кострома, 2006. — 225 с.
2. Лаптев В. В. Субъекты предпринимательского права : учеб. пособие. — М. : Юрист, 2003. — 236 с.
3. Росстат переписи явные и скрытые бизнес-группы // Агентство правовой информации. — URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (дата обращения: 01.11.2021).
4. Спасение бизнеса в банкротном праве: отчет Института европейского права : пер. с англ. — М. : Статут, 2021. — 604 с.
5. Суханов Е. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. — 2004. — № 7.
6. Цепов Г. В. Обеспечение интересов головной компании в холдинге // Закон. — 2007. — № 3.
7. Шишмарева Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии. — М. : Статут, 2015. — 332 с.

Материал поступил в редакцию 6 января 2022 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kripak I. I. Slozhnyy kolektivnyy subekt prava: problemy obshchey teorii i praktiki: dis. ... kand. yurid. nauk. — Kostroma, 2006. — 225 s.
2. Laptev V. V. Subekty predprinimatelskogo prava: ucheb. posobie. — M.: Yurist, 2003. — 236 s.
3. Rosstat perepishet yavnye i skrytye biznes-gruppy // Agentstvo pravovoy informatsii. — URL: <http://legalpress.ru/view/2934> (data obrashcheniya: 01.11.2021).
4. Spasenie biznesa v bankrotnom prave: otchet Instituta evropeyskogo prava: per. s angl. — M.: Statut, 2021. — 604 s.
5. Sukhanov E. Predpriyatie i yuridicheskoe litso // Khozyaystvo i pravo. — 2004. — № 7.
6. Tsepov G. V. Obespechenie interesov glavnoy kompanii v kholdinge // Zakon. — 2007. — № 3.
7. Shishmareva T. P. Institut nesostoyatelnosti v Rossii i Germanii. — M.: Statut, 2015. — 332 s.